

УДК: 141.1

А.В. Гижя

(к. филос. наук, доцент)

Донецкий национальный технический университет

(г. Донецк, ДНР)

E-mail: 19andrey06@mail.ru

НАСЛЕДИЕ МАРКСА: ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ И ОЦЕНКИ

***Аннотация.** Рассматривается общая, исторически сложившаяся структура марксистской традиции в совокупности её характерных интерпретаций. Выделен аспект, общий как для различного рода ревизионистских направлений, так и для тенденций, поддерживающих в целом исходную социально-гуманистическую заданность учения Маркса. Она касается проблем методологического и, своего рода, экзегетического качества. Суть их - в разбросанности представлений об аутентичном методе социально-исторических исследований и о выборе исходной концептуальной схемы, которая могла бы быть взята за исходную теоретическую основу.*

***Ключевые слова:** Маркс, марксизм, история, общество, идеология, наука, критика, интерпретация, догматизм, гуманизм.*

Научный подход к любой теме, независимо от её социально-гуманитарной или естественнонаучной принадлежности, предполагает достижение определённой степени добросовестности и ясности понимания. Начало исследования – в первоначальном установлении своего предмета, его отчетливое понятийное представление, хотя бы и выглядящее, на первый взгляд, абстрактно и схематично.

Проведём предварительную структуризацию того, что называется «наследием Маркса». Здесь надо различать, по крайней мере, четыре момента.

Первый заключается в том, что есть Маркс как таковой, с его биографией и философско-мировоззренческим кредо, с общекритической методологической установкой, о которой даже нельзя сказать материализм это или идеализм. Он сам в ранней работе называет свою позицию реальным гуманизмом, а о двух вышеозначенных определениях говорит как об односторонностях. Это тем более верно, что собственно философским материализм становится после работ Ф. Энгельса «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии», «Диалектика природы» и «Анти-Дюринг».

Решительное отличие Маркса от многих философов и учёных, определивших особенности и континентальной, и британской философии в новоевропейском, просвещенческом и немецко-классическом вариантах, выражаются в подчёркнутой научности и социально-гуманистической направленности его творческой деятельности. Здесь особую роль играет софийная составляющая философствования, очерчивающая дальние перспективы человеческой истории, её экзистенциальные предрасположенности и глубинные мотивации. К.Х. Момджян, разделяя типы философствования на рефлексивный, говорящий о мире «в собственной фактологии и логике его бытия» [1, с. 89] и валюативный, ценностный, интересующийся «не сферой сущего, а сферой должного» [там же], определяя марксову мысль, утверждает, «что специфика его философии состоит не просто в сочетании эпистемной и софийной традиции, а в попытке их органического соединения, при котором принцип их взаимодополнительности заменяется принципом взаимосводимости» [там же, с. 90]. Однако, здесь, скорее, уместно использование гегелевской категории диалектического тождества, предполагающей смысловую сочетаемость и содержательную взаимопроницаемость сторон исследуемого процесса с одновременным сохранением их относительной самостоятельности.

Момджян экспансию ценностно-мировоззренческой компоненты в построения научного сознания в целом оценивает негативно: «Опыт этот можно признать неудачным, доказавшим, что любая интервенция ценностного сознания в область рефлексивного знания губительна не только для науки, но и для идеологии» [там же, с. 91]. Это суждение мы определим как неверное и исторически, и логически. Во-первых, хорошо известно, что «без “человеческих эмоций” (а, следовательно, и без обращения к духовно-ценностной составляющей личностного отношения – добавление мое – А.Г.) никогда не бывало, нет и быть не может человеческого искания истины» [2, с. 112], а продолжающаяся история не выносит, за редким исключением, однозначных приговоров. То явление, что на определённом этапе потерпело кажущееся идейное поражение, впоследствии может показать свою жизненность и необходимость. Во-вторых, рассматривая ситуацию сугубо логически, нужно понимать, что единичный опыт не может вынести вердикт относительно «любой интервенции».

Следующей компонентой учения и наследия К. Маркса выделим его обработку, интерпретацию и дописывание-компоновку (последних материалов по «Капиталу») со стороны Ф. Энгельса. Появляется марксизм, который и есть переложение Маркса в трактовке Энгельса, продолжившейся затем в трудах ряда европейских и русских социал-демократов (П. Лафарг, Г. Плеханов и др.). На этом этапе возникает множество дискуссионных вопросов, обсуждение которых проходит в атмосфере, далёкой от отвлечённых академических диспутов. Это вызвано тем, что предмет исследований включает не только теоретические, но и совершенно практические, более того – политические моменты, обращённые, к тому же, к широкому кругу представителей народного сознания. Последнее обстоятельство со временем будет только усиливаться, что вызывает необходимость переложения сугубо теоретических соображений на ясный и понятный язык массового повседневного опыта.

Если первая компонента наследия Маркса имеет статус целостного первоисточника, действительного *истока* последующей традиции научного и одновременно онтолого-ценностного социально-антропологического познания, обладающего неиссякаемым эвристическим потенциалом, то сама традиция оказывается уже с конца XIX века исторически и культурно расщеплённой. Появляются её западноевропейские ревизионистские мелкобуржуазные вариации, в России возникает течение легальных марксистов, затушевывающих антагонистические противоречия при капитализме между трудом и капиталом, оформляется меньшевизм как выражение ортодоксального и внеисторического «марксизма». Исчерпывающая критика этих направлений дана Лениным сразу же, уже в конце XIX- начале XX столетия.

Иллюзии современников того времени, переживающих и осмысливающих исторические общественно-политические сдвиги в их зарождении и развитии, хорошо демонстрируются общим настроением статьи М. И. Туган-Барановского «Кант и Маркс (по поводу русского перевода сборника статей Форлендера о Канте и Марксе)» [3]. Здесь К. Каутский представлен как наиболее видный представитель «современного марксизма», автор далее сетует, что в качестве опоры марксизм выбрал «самую слабую философскую систему – материализм», отвергает этическое обоснование социализма, говорит не больше и не меньше как об аморализме (!) Марк-

са. Характерно завершение этой статьи, где речь идёт о необходимости (в 1912 году!) новой теории, которая должна «решительно отвергнуть Маркса»: «Новая теория должна по этому пункту решительно отвергнуть Маркса и пойти с Кантом; но уже одно то, что кантовские этические идеи становятся обоснованием социализма, в то время как Кант выводил из них необходимость частной собственности, показывает, как глубоко расходится новая теория с историческим кантианством. ...И Кант, и Маркс должны остаться позади, как превзойдённые этапы общественной мысли» [там же]. Заметно, что в приведённом фрагменте доминируют не смысловые и логические конструкции и формулировки, а элементарные пространственно-наглядные метафоры, не имеющие отношения к собственно мышлению.

Вместо реальной напряжённой работы по обновлению теоретических представлений мы видим псевдотеоретические фразы и позёрство. Никакой «новой теории социализма» не создано до сих пор.

Ленин даёт хлесткую и, судя по всему, заслуженную характеристику Туган-Барановскому: «А страничкой раньше воспеается «строгая научность, глубокий анализ и критическое отношение к важнейшим теориям»... кого бы вы думали?., образцового эклектика г. Тугана-Барановского!! Г-н Рубакин сам вынужден признать, что сей профессор сторонник немножечко марксизма, немножечко народничества, немножечко «теории предельной полезности», но тем не менее называет его «социалистом»!!!» [2].

В наше время, иногда называемое «постсовременностью», мы способны обрести удивительные открытия, свидетельствующие как раз о том, что из реальной современности сложившееся общественное сознание, в том числе и в области суждений его научных представителей, выпало.

О каких открытиях идет речь? Их немало, и все их перечислять нет необходимости. Сошлёмся на уже известный нам источник [1]. Момджян, как кажется, высоко оценивает научный вклад Маркса: «Марксом, - пишет он, - создана многоуровневая и многоаспектная рефлексивная концепция общества, не имеющая аналогов в мировом общественном знании по числу охватываемых проблем. В этой концепции выделяются, как минимум, четыре уровня теоретического обобщения..., на каждом из которых используются проце-

дуры структурного, функционального и динамического анализа общественных явлений» [там же, с. 91]. Здесь мы видим и признание глубокой системности марксового учения, и то, что по охвату проблем оно «не имеет аналога в мировом общественном знании». Вместе с тем, в этой же статье читаем ремарки совершенно иной направленности: «...абсолютизация роли экономики чревата абсолютизацией классовой стратификации общества и классовых противоречий, которой, несомненно, грешит Маркс, считающий нормой известной нам истории не конфликтное взаимодействие социально-экономических групп, а их антагонистическое противодействие» [там же, с. 101]. Свести классовый антагонизм, суть которого определена местом социальной группы или класса в системе отчуждающего общественного производства, к простой конфликтности интересов, которая в той или иной степени присутствует во многих коммуникационных процессах – означает потерять эвристическую основу адекватного понимания существующего положения дел, стать апологетом буржуазных порядков и выступать за их дальнейшее функционирование и «развитие» как, якобы, сохраняющее наличную исторически прогрессивную содержательность.

Следствием этой дезинтегрирующей «переработки» выступает общее, достаточно уничижительное заключение автора о том, что «в современной социальной теории найдётся место не марксизму в его "аутентичной целостности", а тем отдельным идеям Маркса, которые способны пройти историческую проверку, выиграть в конкурентной борьбе с идеями Вебера, Дюркгейма или Тойнби» [там же].

Момджян предлагает принципиально различать рефлексивную, как он определяет, и валюативную, софийную компоненты учения Маркса, сделав акцент на первой и устранив как ненаучную и субъективистски произвольную – вторую. Первая компонента при этом должна подвергнуться дезорганизирующей процедуре десистематизации. Это означает, что надо перестать, пишет он, «воспринимать его (т.е. Маркса – А.Г.) рефлексивную теорию как "учение, отлитое из единого куска стали"» [там же].

Между упованиями Туган-Барановского и Момджяна на «новую социальную теорию» прошло почти сто лет, а тенденция списания Маркса и в 1912 г., и в 1999 г. осталась характерной чертой тех, кто не хочет видеть именно антагонистические и системные противоречия капиталистической системы, но, вместе с тем, не в

состоянии создать искомую альтернативу Марксу. В этом тщетном желании отчётливо слышен отзвук старорежимных «легальных марксистов», дело которых остаётся востребованным буржуазной апологетикой.

Обзор сложившихся на текущий момент направлений в марксистской традиции даёт Бузгалин А. В. [4]. Его несомненная ценность заключается в широте охвата весьма пёстрой картины самых различных воззрений по этой теме, данной с аналитическим уклоном или с подтекстовой оценкой, что делает материал обзора более существенным, нежели справочное перечисление имён с бирками наименований «социал-демократическое», «социал-либеральное» и прочее. Сам Бузгалин А. В. тяготеет к постсоветской школе «критического марксизма». Разумеется, само по себе утверждение по поводу собственной критичности, являясь самоаттестацией, недостаточно для своей фактической реализации. Часто это только декларация о благих намерениях, которые мы слышим отовсюду, но вся проблема в их осуществлении. Ровно то же можно сказать и о декларируемой собственной же недогматичности, с попутным обозначением советской традиции марксизма-ленинизма «догматическим советским марксизмом». О степени искомой «недогматичности» очередной критической волны говорит сам Бузгалин: «Одни из нас будут тяготеть к теоретическим работам В. Ульянова-Ленина, другие – Н. Бухарина, третьи – Л. Троцкого» [там же, с. 10]. В этой подборке хорошо проявилось ахроническое качество постсовременности, когда зигзаг истории возвращает общественную мысль к мумифицированным именам (второе и третье в перечне), демонстрируя её эвристическую слабость. Столь же туманна и неясна и предполагаемая методология: «Если начать с методологии, то одни из нас (в частности, автор этого текста, Л. Булавка, Б. Славин) отчётливо делают акцент на диалектике, другие не забывают и о некотором позитивном вкладе постмодернизма, третьи не акцентируют своих методологических пристрастий, тяготея к позитивизму» [там же, с. 12]. Налицо заметный произвол субъективных пристрастий относительно выбора базисных концепций и самого метода исследований.

Третья и четвёртая компоненты исторического развёртывания марксистской традиции обозначают ленинский этап и, условно говоря, советско-сталинский. Для очень многих нынешних направ-

лений марксистской мысли (или примкнувших к ней) считается чуть ли не хорошим тоном демонстрировать пренебрежительно-издевательское отношение и к советскому периоду вообще, и, в особенности, к пункту 2 главы IV «Краткого курса истории ВКП (б)» под названием «О диалектическом и историческом материализме». Такое положение видится как результат теоретической и историко-культурной близорукости и специфической политико-экзистенциальной незрелости высказывающегося субъекта. Не следует становиться в позу теоретического высокомерия и всезнайства в условиях собственного неотработанного методологизма и беспутствующего нарративного сочинительства, но необходимо попытаться увидеть и признать небывалые масштабы исторической деятельности советского народа. А в соответствии с этим и её духовно-идеологическое обеспечение. Не может практика строительства нового общества осуществляться в рамках вульгарных и примитивно-мифологических представлений. И только после выправления ценностных оснований возможно со-путствующее делу освобождения народов познавательно-практическое движение такого качества, которое обеспечит и методологическую зоркость учёного, и его духовное горение, и достойную гражданскую позицию. Этому способствует, в частности, выработка строгой, понятийно выверенной терминологии, аналитически проведённое вычищение загрязняющих либеральных вкраплений, и, безусловно и в первую очередь, - постановка методологии социально-исторических исследований на твёрдый фундамент истинностно раскрытой онтологии родовой сущностной заданности человеческого бытия.

Список литературы

1. Момджян К.Х. Рефлексивные парадигмы в социальной теории Маркса // К. Маркс и современная наука. Сб. материалов науч. конф. к 180-летию со дня рождения К. Маркса. М., 1999. С. 89-101.
2. Ленин В.И. Рецензия Н. А. Рубакин. Среди книг, том II (изд-тво «Наука») // ПСС, т. 25. URL: https://fictionbook.ru/author/vladimir_lenin_ulyanov/polnoe_sobranie_soch_ineniyi_tom_25_mart_iyul_1914/read_online.html?page=0
3. Туган-Барановский М.И. Кант и Маркс (по поводу русского перевода сборника статей Форлендера о Канте и Марксе) / К лучшему будущему.- М.: РОССПЭН. 1996. / URL: allery.economicus.ru/cgi-bin/frame_rightn.pl?type=ru&links=./ru/tugan/works/tugan_w6.txt&img=works_small.gif&name=tugan

-
4. Бузгалин А. В. Марксизм после «Капитала»: российский контекст. Доклад на международной конференции «“Капитал”–XXI: философия, методология, теория», посвященной 150-летию выхода 1-го тома «Капитала» К. Маркса. М.: Культурная революция, 2017. 48 с.

A.V. Gizha

(Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor)

Donetsk National Technical University

(Donetsk, Donetsk People's Republic)

E-mail: 19andrey06@mail.ru

THE HERITAGE OF MARX: BASIC STEPS AND ASSESSMENTS

***Annotation.** The article views historically established structure of the Marxist tradition in complex of its distinctive interpretations. The author underlines the aspect which is common for revisionist schools and tendencies supporting original socio-humanistic course of Marx's dogma. It concerns the methodological and exegetical problems. Their core is the indeterminacy of the idea about authentic method of socio-historical research and about the choice of initial conceptual scheme.*

***Key words:** Marx, Marxism, history, society, ideology, science, criticism, interpretation, dogmatism, humanism.*